

Они тронулись, заняв свое место в очереди повозок. Позади них вооруженные охранники с большими луками на плечах потуже затянули свои плащи и тоже зашевелились. Их проклятья смешивались со щелканьем хлыстов возчиков и мычанием волов. Заплакали дети. Где-то позади женщина запела низким мелодичным голосом. Плач ребенка утих. Феликс обернулся назад, надеясь отыскать Кирстен среди людей, пробирающихся сквозь мокрый снег к очереди округлых холмов, разворачивавшейся перед ними подобно карте. Он почувствовал умиротворение, влившись в это всеобщее кочевье – как будто могучая река подхватила его и несла теперь к его цели. Он уже ощущал себя частью этой общины – открытие, которым он был недоволен какое-то время назад. Он улыбнулся, но удар локтя Готрека оторвал его от размышлений.

– Будь начеку, человеческий отпрыск. Орки и гоблины снуют по этим горам и долинам.

Феликс взглянул на него, и когда он вновь повернулся к окружению, оно уже не обладало для него прежней дикой красотой. Теперь он стал ожидать внезапного нападения.

Феликс обернулся и посмотрел на горы. Ему было не жаль расставаться с их блеклыми склонами. Несколько раз на них нападали зеленокожие гоблины, на щитах которых был нарисован красный коготь. Наездники на волках нападали с тыла, но все заканчивалось удачно. У Феликса глаза покраснели от недосыпа. Как и все воины, он нес двойную вахту, поскольку налеты происходили в основном ночью. Только Готрек, казалось, был разочарован малым количеством сражений.

– Во имя Грунгни! – сказал гном. – Мы их больше не увидим после того, как Дитер убил их предводителя. Они просто трусы без своего большого задиры-вожака, которому подпалили брюхо. А жаль! Ничто так не возбуждает аппетит, как небольшая бойня. Здоровые упражнения очень полезны для пищеварения.

Феликс бросил на него осуждающий взгляд. Он указал пальцем на повозку, которую сопровождали Кирстен и женщина средних лет.

– Я уверен, что раненые в той повозке не согласятся с твоей идеей здоровых упражнений, Готрек.

Гном пожал плечами:

– В этой жизни, человеческий отпрыск, люди то и дело получают раны. Радуйся, что еще не пришла твоя очередь.

Феликсу это надоело, он вылез из повозки и спрыгнул на землю.

– Не волнуйся, Готрек. Я собираюсь быть здесь, чтобы завершить твою сагу. Я бы не хотел нарушить нашу клятву на мечях?

Готрек уставился на него, ища подвоха. Феликс постарался придать своему лицу соответствующее выражение. Готрек серьезно воспринимал творчество Феликса: он очень хотел стать героем саги после своей смерти и старался убедить в этом своего образованного друга. Вскинув голову, Феликс направился к повозке Кирстен и ее хозяйки.

– Добрый день, госпожа Винтер. Кирстен! Обе женщины обернулись на него настороженно. Неодобрение скользнуло по длинному лицу волшебницы, хотя ее холодные змеиные глаза ничего не выдали. Она прикрепила еще одно перо ворона к своим волосам.

- Что хорошего, господин Ягер? Еще двое человек умерли от ран. Стрелы были отравлены. Именем Таала! Я ненавижу этих волчьих всадников!

- А где доктор Стокхаузен? Я думал, он будет помогать вам. Пожилая женщина улыбнулась, слегка цинично, как показалось Феликсу.

- Он ухаживает за наследником барона. Юный Манфред порезал себе руку. Стокхаузен скорее позволит умереть славным воинам, чем оставит малыша Манфреда.

Она повернулась и пошла прочь. Ее волосы и плащ развевались на ветру.

- Не обращай внимания на мою хозяйку, - сказала Кирстен. - Господин Манфред высмеял ее в одной из своих пьес. Она ему никогда этого не простит. Но на самом деле она очень хорошая.

Феликс посмотрел на нее, с удивлением заметив, что его сердце учащенно забилося, а ладони стали мокрыми. Он вспомнил слова Готрека, произнесенные в таверне, и почувствовал, что краснеет. Ну хорошо, сказал он сам себе, я нахожу Кирстен привлекательной, но что в этом плохого? Может быть, то, что она не считает привлекательным меня? Он посмотрел вокруг, чувствуя, как занемел его язык, и думая, что бы сказать. Рядом дети играли в солдат.

- Как ты? - наконец спросил он.

Она несколько удивленно взглянула на него.

- Ничего. Я испугалась прошлой ночью, когда был слышен вой волков и летели стрелы, но сейчас... Днем все это кажется ненастоящим.

Позади них в повозке раздался стон умирающего. Она тотчас же повернулась посмотреть, что там. Затем печаль проскользнула по ее лицу, и оно застыло как маска.

- Тяжело работать с такими ранеными, - сказал он. Она вздрогнула.

- К этому привыкаешь.

Феликс был поражен таким выражением лица у женщины ее возраста. То же он видел на лицах наемников, чьим ремеслом была смерть. Оглядевшись вокруг, он заметил, что дети играют возле повозки с ранеными. Один из них натянул воображаемый лук, другой вскрикнул, схватился руками за грудь и упал. Феликс внезапно почувствовал себя одиноко и очень далеко от дома. Ту спокойную жизнь поэта и ученого, которую он оставил в Империи, казалось, вел кто-то другой много лет назад. Законы и правила, которые он старался исполнять, остались далеко позади Серых гор.

- Жизнь ничего не стоит здесь, правда? - сказал он. Кирстен посмотрела на него, и ее лицо смягчилось. Она взяла его за руку.

- Пойдем туда, где воздух почище, - сказала она. Позади них крики играющих детей перемежались со стоном умирающих.

Феликс заметил город, как только они выбрались из гор. Был поздний вечер. Слева, на востоке, виднелись клубящиеся потоки Гремящей Реки, а над ними могучие вершины Гор Предела Миров. На юге была видна другая гряда гор, исчезающих за горизонтом, голых и зловещих. Было в что-то такое, что заставило Феликса вздрогнуть.

В долине между двумя грядами расположился маленький городишко. Белые фигуры, бывшие, очевидно, овцами паслись у ворот. Феликсу казалось, что он видит часовых шагающих по городским стенам, но расстояние было слишком большим.

Дитер попросил его приблизиться к городу.

– Ты умеешь быть учтивым, – сказал он. – Спустись вниз и переговори с ними. Скажи тем людям, что мы не хотим причинить им вреда.

Феликс взглянул на высокого сухопарого мужчину. "Он считает, что меня можно использовать при встрече с людьми, настроенными недружелюбно". Феликс подумывал послать его подальше, и. Дитер, казалось, угадал его мысли.

– Ты на службе у барона, – прямо сказал он.

Это было правдой, признал Феликс. Он также надеялся принять горячую ванну и питье в настоящей таверне, поспать, имея крышу над головой, – все те роскошные удобства, которые мог предложить даже жалкий пограничный городишко. Очень даже заманчиво!

– Дайте мне лошадь, – сказал он. – И флаг.

Взбираясь на норовистого боевого коня, Феликс старался не думать о том, что могут сделать недоверчивые люди, вооруженные луками, с посланником предполагаемого врага.

Арбалетная стрела просвистела по воздуху и вонзилась в землю рядом с копытами его лошади. Феликс попытался справиться с испуганным животным. Все это время он благодарил отца за то, что тот настоял на том, что искусство верховой езды должно быть неотъемлемой частью образования молодого дворянина.

– Не подходи ближе, чужестранец, или, каким бы белым флагом ты ни размахивал, я сделаю из тебя ежа. – Голос был грубым, но властным. Его обладатель явно умел командовать и заставлять подчиняться своим приказам. РФ овладел собой.

– Я глашатай Готфрида фон Диеля, барона Веннландского порубежья, – сказал Феликс. – Мы не причиним вам вреда. Мы хотим только отдохнуть и пополнить наши запасы.

– Здесь это вам не удастся. Скажите вашему барону, что если он так миролюбив, пусть проходит мимо. Это вольный город Акендорф, и мы не хотим связываться с вельможами.

Феликс посмотрел на человека, кричащего с городских стен. Под остроконечным металлическим шлемом его лицо казалось пронизательным и умным. По бокам от него стояли двое мужчин, прицелившись из самострелов прямо в глашатая. Феликс почувствовал, как у него пересохло во рту, а по спине заструился липкий пот. Он был облачен в кольчугу, но сомневался, что она сможет защитить его от арбалетных стрел, пущенных со столь близкого расстояния.

– Сударь, именем Сигмара, нам нужно только обычное гостеприимство...

– Ступай отсюда, парень – вы не дождетесь этого ни в Акендорфе, ни в каком другом городе в округе, пока путешествуете с двумя десятками вооруженных рыцарей и полусотней телохранителей.

Феликс поразился, какими же опытными должны быть разведчики этого вольного города,

сумевшие так точно узнать численность их воинов. Ему стало очевидно соотношение сил в этих местах. Отряд барона был слишком могущественным для любого местного правителя, чтобы ожидать, что двери их городов гостеприимно распахнутся перед ними. В то же время Феликс сомневался в том, что сил барона окажется достаточно для того, чтобы захватить окруженный стенами форт, сломив яростное сопротивление.

- У нас есть раненные, - сказал он. - Можете вы по крайней мере принять их?

Впервые смущение появилось на лице горожанина.

- Нет, это ваши лишние рты - вам их и кормить.

- Во имя милосердия Шаллаи, вы должны помочь им!

- Я ничего не должен, глашатай. Здесь правлю я, а не твой барон. Скажи ему, чтобы шел на юг от Гремящей реки. Таал знает, там достаточно невестребованных земель. Пусть он освободит себе собственное поместье или потребует один из покинутых фортов.

Феликс уныло развернул свою лошадь. Он очень опасался оружия, нацеленного ему в спину.

- Посланник! - крикнул владыка Акендорфа. Феликс повернулся в седле, чтобы посмотреть на него. В гаснувшем свете лицо человека, казалось, было полно участия.

- Что?

- Передай своему барону, чтобы он не ходил в южные холмы. Скажи ему, чтобы тот остановился у Гремящей реки. Моя совесть была бы нечиста, если бы он вошел в Гейстенмундские Холмы не предупрежденный.

Что-то в голосе этого человека заставило встать дыбом волоски на шее Феликса.

- Эти холмы обитаемы, глашатай. И ни один человек не отважится войти в них, не подвергнув опасности собственную бессмертную душу.

- Они не впустят нас в ворота, и все, - заключил Феликс, глядя на лица, собравшиеся вокруг костра. Барон слабым жестом левой руки велел ему сесть, затем повернулся, чтобы поймать взгляд Дитера.

- Нам не взять Акендорф, по крайней мере без больших потерь. Я не большой мастер в осадах, но даже я понимаю это, - сказал седовласый человек. Он наклонился вперед и подкинул дров в огонь. Искры взвились в холодный ночной воздух.

- Вы говорите, что мы должны продолжить путь, - сказал барон. Его голос был слаб, как шелест сухих листьев. Дитер кивнул.

- Возможно, нам следует пойти на запад, - сказал Манфред. - Обшарить тамошние земли. Так мы сможем обойти Холмы, если, конечно, там и впрямь есть что-то, чего следует бояться.

- Есть, - сказал охотник Хеф. Даже в слабом отблеске огня черты его лица казались бледными и напряженными.

- В любом случае глупо идти на запад, - сказала госпожа Винтер. Феликс заметил, что она смотрит прямо на Манфреда.

- Но почему же? - спросил он.

- Подумай сам, мальчик. В горах на востоке обитают гоблины, как утверждает гном. Поэтому лучшие, защищенные от набегов земли лежат далеко от Гремящей реки. Их держат могущественнейшие из местных правителей. Любое место на запад отсюда будет обороняться еще лучше, чем Акендорф.

- Географию я знаю, - пробурчал Манфред. Он обвел взглядом пятачок вокруг костра, заглянув в глаза каждому из сидящих. - Если мы продолжим путь на юг, мы достигнем Кровавой реки, где волчьих всадников больше, чем червей в трупе.

- Опасность подстерегает повсюду, - промолвил барон. Он смотрел прямо на Феликса, и его синие глаза, казалось, кололи его. - Ты думаешь, что повелитель Акендорфа велел нам держаться поближе к реке просто для того, чтобы стать заманчивой мишенью для любых нападок зеленокожих?

Феликс размышлял какое-то время, взвешивая все за и против. Как он мог сказать, лгал ли тот человек или нет, основываясь только на короткой беседе? Феликс остро осознал, что от его слов зависит сейчас судьба каждого из его спутников. Впервые в своей жизни он почувствовал всю тяжесть ответственности вождя. Ягер сделал глубокий вдох.

- Этот человек казался искренним, господин барон.

- Он говорил правду, - сказал Хеф, набивая курительной травой свою трубку. Феликс заметил, как нервно играют его пальцы с чубуком. Хеф наклонился вперед и выхватил из огня головешку, чтобы раскурить трубку, а потом продолжил:

- Гейстенмундские Холмы - недоброе место. Легенды рассказывают, что много веков назад из Бретонии пришли волшебники, некроманты, сосланные Солнечным королем. Они нашли курганы людей, пришедших сюда в Древние Дни, и использовали свои заклинания, чтобы поднять целое воинство. Они были готовы завоевать все побережье Порубежных Княжеств, но местные правители вступили в союз с гномами и отбросили их назад.

Феликс почувствовал, как дрожь пробежала по его позвоночнику. Он поборол желание оглянуться на тени.

- Говорят, волшебники и их рати ушли в курганы. Они были запечатаны камнями гномов и могущественными рунами победителей.

- Но это же было много веков назад, - сказала госпожа Винтер. - Хотя бы те маги и были сильны, смогли они выжить?

- Не знаю, госпожа. Но грабители могил никогда не возвращались из Гейстенмунда. Иногда по ночам в холмах видны неестественные огни, а в двойное полнолуние мертвым не лежит спокойно в могилах. Они приходят за живыми, потому что свежая кровь может оживить их темного повелителя.

- Разумеется, это чушь, - сказал доктор Стокхаузен.

Однако сам Феликс не был так в этом уверен. В прошлый год в Ночь Волшебства он видел по-настоящему жуткие вещи. Он постарался отбросить от себя эти воспоминания.

- Если мы пойдем на запад, то столкнемся с опасностью и можем не найти ничего

подходящего, – сказал барон. Его лицо казалось угловатым и костлявым в бликах костра. – На юге, как говорят, мы найдем свободные земли, хотя, возможно, и охраняемые враждебным колдовством. Думаю, нам стоит отважиться и пойти на юг. Это может быть правильно. По течению Гремящей реки.

В его голосе не слышалось большой надежды. Он говорил как человек, который отдает себя в руки судьбы. "Неужели барон сам ищет смерти?" – подумал Феликс. Под впечатлением от мрачной истории охотника он почти поверил в это. Поэт пообещал себе узнать больше о проклятии фон Диеля. Затем он заметил выражение черт Манфреда. Молодой дворянин заворуженно смотрел на огонь, на его лице угадывалось почти что восхищение.

– Похоже, это вдохновит меня на новую пьесу, – сказал с энтузиазмом Манфред фон Диель. – В ее основу ляжет та жуткая история, которую рассказал вчера вечером охотник.

Феликс с сомнением посмотрел на него. Они шли с западной стороны каравана, держась между повозками и голыми, зловещими холмами.

– Это может оказаться чем-то большим, чем охотничьи байки, Манфред. Во многих легендах есть правда.

– О да! О да! Кто знает об этом лучше меня? Я думаю, что назову эту пьесу "Там, где бродят мертвецы". Представь себе: серебряные кольца позвякивают на костлявых пальцах, высохшая кожа неуспокоенного тела поблескивает в дьявольском свете. Вообрази себе их короля: его тело не тронули черви, и он ежегодно восстает в поисках крови, которая может продлить его мрачное царствие.

Феликсу не составило труда представить что-то подобное, глядя на безжизненные, мрачные вершины. Среди четырехсот человек, сопровождавших барона, только трое отважились отправиться в холмы. В течение всего дня доктор Стокхаузен и госпожа Винтер искали целебные травы среди покрытых мхом валунов, усыпавших склоны. Пару раз, возвращаясь попозже, они бы могли наткнуться на Готрека Гурнисона. Победитель троллей бродил по ночам в окрестных холмах, словно испытывая терпение темных сил.

– Подумай, – сказал Манфред заговорщицким тоном. – Подумай, как ты лежишь, засыпая, в своей постели и вдруг слышишь мягкий звук приближающихся шагов и не слышишь дыхания, которое бы ожидал услышать... Ты можешь только лежать, слушать удары своего сердца и знать, что ни одного звука не раздастся из груди приближающегося...

– Да, – торопливо ответил Феликс. – Я уверен, что это будет блестящая работа. Ты должен дать мне ее почитать, когда закончишь.

Он решил сменить тему, думая о том, что же так привлекает этого странного молодого человека.

– Я тоже подумываю написать поэму. Ты можешь рассказать мне побольше о проклятье фон Диеля?

Лицо Манфреда окаменело. Его злобный взгляд заставил Феликса вздрогнуть, но затем Манфред покачал головой и Улыбнулся, вернув себе дружелюбный вид.

– Почти нечего рассказывать, – он слегка хихикнул. – Мой дед был очень набожным человеком. И чтобы доказать это, постоянно сжигал ведьм и мутантов. Однажды в Ночь Ведьм он поджаривал прекрасную девушку по имени Ирина Траск. Все его слуги пришли посмотреть на

это, так она была красива. Как только вокруг нее взвилось пламя, она призвала силы ада отомстить за нее, убить моего деда и принести проклятье Хаоса на его отпрысков, и слуг, и всех их детей. "Силы тьмы и ее порождения возьмут вас всех", – сказала она.

Он замолчал и уныло уставился на холмы. Феликс поторопил его:

– И что было дальше?

– Вскоре после этого мой дед был убит на охоте сворой звероловов. Затем его сыновья поссорились. Старший, Курт, был наследником старика. Мой отец и его брат восстали и изгнали его. Говорят, что Курт стал разбойником и пал от руки воина Хаоса. Хотя другие утверждают, что он отправился на север, и там его постигла куда более мрачная участь. А мой отец получил баронство и женился на моей матери Катерине фон Витгенштейн.

Феликс посмотрел на него. Витгенштейны были семьей с дурной славой, изгоями из приличного общества. Манфред не обратил на его взгляд внимания.

– Дядя Готфрид стал их полководцем. Моя мать умерла, когда рожала меня, а мой отец пропал. Готфрид захватил власть. С тех пор нас преследует неудача.

Феликс увидел фигуру, приближающуюся по склону горы. Это была госпожа Винтер. Она, казалось, очень торопилась.

– Пропал? – в смятении спросил Феликс.

– Да, исчез. Но не так давно я выяснил, что с ним случилось.

Госпожа Винтер приблизилась, смотря на Манфреда.

– Плохие новости, – сказала она. – Я обнаружила пустошь там, наверху склона. Она покрыта рунами, но я почувствовала, что там таится огромная опасность.

Что-то в тоне волшебницы заставляло ей верить. Она поспешила к лагерю. Манфред гневно посмотрел ей вслед.

Феликс взглянул на него.

– Вы не любите друг друга, правда?

– Она ненавидит меня с тех пор, как дядя провозгласил меня своим наследником. Она думает, что ее сын должен быть следующим бароном.

Феликс поднял бровь.

– О, вы не знали? Дитер ее сын. Он незаконнорожденный отпрыск моего отца.

Лунный свет отражался в водах Гремящей реки, превращая ее в жидкое серебро. Старые шишковатые деревья, свесившие свои кроны по берегам реки, казались Феликсу троллями в засаде. Он нервно оглянулся. Что-то рассеяно в воздухе сегодня, решил он, какое-то напряжение. Ощущение, что что-то идет неправильно.

Ему с трудом удалось побороть ощущение, что поблизости крадется какое-то злое существо, охотящееся за его жизнью и жизнью всех людей барона Готфреда.

- Что-то случилось, Феликс? Ты выглядишь очень озабоченным сегодня, – сказала Кирстен.

Он взглянул на нее и улыбнулся, радуясь ее присутствию. Обычно он получал большое удовольствие от их вечерних прогулок вдоль реки, но сегодня что-то зловещее пробежало между ними.

- Нет. Просто устал. – Он не мог отвести взгляд от близлежащих холмов. В свете обеих лун пустошь выглядела как разверзнувшаяся утроба.

- Это то самое место, да? Здесь есть что-то неестественное. Я это чувствую. Так бывает, когда госпожа Винтер произносит одно из самых опасных заклинаний. Тогда у меня волосы встают дыбом. Но сейчас все гораздо хуже.

Феликс увидел, как по ее лицу проскользнула тень страха. Она посмотрела на воду.

- Что-то древнее и злое зарыто под этими холмами, Феликс. И голодное. Мы можем здесь умереть. Феликс взял ее за руку.

- Мы в безопасности. Мы все еще у реки.

Его голос осип, и слова не прозвучали уверенно. Он говорил как испуганный мальчик. Они оба вздрогнули.

- Все в лагере боятся, кроме твоего друга Готрека. Почему он такой бесстрашный? Феликс тихо рассмеялся.

- Готрек – Победитель троллей, который поклялся отыскать смерть, чтобы искупить свое преступление. Он отлучен от семьи, дома, друзей. Ему нет места в этом мире. Он смел, потому что ему нечего терять. Он может восстановить свою честь, только если умрет славной смертью.

- Почему ты следуешь за ним? Ты кажешься таким чувствительным...

Феликс хорошенько обдумал свой ответ. Его никогда не спрашивали так откровенно о том, что его побуждало к этому. Под взглядом темных глаз Кирстен ему самому стало важно узнать это.

- Он спас мне жизнь. Потом мы принесли клятву верности на крови. Не знаю, что означал этот ритуал, но я прошел через него.

Он выдавал только голые факты, правдивые, но ничего не объясняющие слова. Умолкнув, Феликс потрогал старый шрам на правой щеке. Он хотел быть честным.

- Я убил человека на дуэли. Вышло много шума. Мне пришлось изменить мой образ жизни, когда я был студентом, а мой отец отрекся от меня. Я был обозлен и нажил новые неприятности с законом. Тогда мы с гномом и встретились – у меня не было никакой цели, я просто странствовал. Предложение Готрека оказалось таким заманчивым, что я просто прилип к этому бродяге. Было проще пойти за ним, чем начать новую жизнь. Иногда меня привлекает его безумное саморазрушение.

Она вопросительно посмотрела на него.

- И ничего больше? Он покачал головой.

- А что ты? Что привело тебя к Гремящей реке? Они подошли к поваленному дереву. Феликс подал Кирстен руку, чтобы помочь ей взобраться на ствол, а затем прыгнул сам позади нее.

Она подобрала подол своей длинной крестьянской юбки, отведя локон волос за ухо. Феликс подумал, что она очень здорово выглядит в свете двух лун, среди поднимающегося тумана.

– Мои родители были вассалами барона Готфрида, служили в Дилендорфе. Они отдали меня на обучение госпоже Винтер. Оба погибли во время лавины вместе с моими сестрами.

– Прости, – сказал Феликс. – Я не знал.

Она пожала плечами.

– Много людей погибло там. Я должна быть благодарна за то, что оказалась здесь.

Она надолго замолчала, а когда заговорила вновь, ее голос был очень мягок:

– Я по ним скучаю.

Феликс подумал, что тут нечего сказать, поэтому промолчал.

– Знаешь, моя бабушка никогда не уходила дальше чем на милю от Дилендорфа. Она даже никогда не видела старый замок изнутри. Все, что она знала, была ее хижина и полоска поля, на котором она работала. А я уже видела горы, города и эту реку. Я ушла дальше, чем она даже могла мечтать. В любом случае я счастлива.

Феликс посмотрел на нее. Среди теней, лежащих на ее щеках, он мог заметить поблескивавший след от слез. Их лица были очень близки. Позади нее клубился речной туман, быстро густея. Ему с трудом удалось рассмотреть воду. Кирстен подошла ближе.

– Если бы я не пришла, я бы не встретила тебя.

Они поцеловались, неумело, как в первый раз. Просто губы коснулись губ. Феликс наклонился вперед и запустил руку в ее длинные волосы. Они прижались друг к другу, не насытившись, пока поцелуй не стал более глубоким. Их руки начали страстно блуждать, нащупывая тела друг друга под толстым слоем одежды.

Они наклонились слишком сильно. Кирстен слабо вскрикнула, когда они свалились со ствола дерева на мягкую мокрую землю.

– Мой плащ весь грязный, – сказал Феликс.

– Может, ты лучше его снимешь. Мы можем лечь на него. Земля вся мокрая.

Под тенью мертвых холмов они любили друг друга в тумане и лунном свете.

– Где ты был, человеческий отпрыск, и почему ты выглядишь таким довольным? – строго спросил Готрек.

– Ниже по реке, – с невинным видом ответил Феликс. – Просто гулял.

Готрек поднял свою густую бровь.

– Ты выбрал неподходящее время для простых прогулок. Посмотри, как густеет туман. Я чую колдовство.

Феликс почувствовал, как страх пробрал его до костей. Его рука потянулась к мечу. Он

вспомнил туман, окружавший торфяник возле Круга Темных Камней, и то, что он скрывал. Он обернулся и посмотрел в темноту.

- Если это так, то что мы должны сказать об этом Дитеру и барону? – спросил он.
- Я уже предупредил оруженосца вельможи. Охрана удвоена. Это все, что они смогли сделать.
- А что ты сам собираешься предпринять?
- Иди поспи, человеческий отпрыск. Скоро твоя очередь караулить.

Феликс улегся на спину на мешок с пшеницей и укрылся плащом. Он долгое время пытался заснуть, но все время думал о Кирстен. Когда Ягер смотрел на Моррслиб, Малую луну, ему казалось, что он видит лицо девушки. Туман сгущался, поглощая все звуки, за исключением тихого дыхания Готрека.

Когда же он наконец заснул, ему снились мрачные сны, в которых он видел ходячих мертвецов.

Вдалеке раздалось жалобное лошадиное ржание. Чья-то большая рука легла на рот Феликсу. Он испуганно вздрогнул, решив, что Ларс пришел отомстить.

- Тише, тише, человеческий отпрыск! Что-то объявилось. Будь тихим, как мышь!

С Феликса мгновенно слетели остатки сна. Глаза были сухи и утомленны, все мышцы болели от жесткого матраса из мешков. Он чувствовал себя усталым и вялым.

- Что случилось, Готрек? – тихо спросил он. Победитель троллей жестом приказал ему молчать и принялся.
- Что бы это ни было, оно мертво уже много времени.

Феликс вздрогнул и плотнее закутался в плащ. Он чувствовал, как страх сжал его нутро. Чем больше в его сознание проникало значение слов гнома, тем больше он старался сдержать свой страх.

Феликс пристально вгляделся в туман. Тот накрыл всю землю, не давая увидеть предметы дальше, чем на длину копья. Если бы Феликс напряг все свои чувства, он бы мог различить противоположный конец повозки. Он оглянулся, опасаясь, что что-то ужасное может возникнуть из темноты и появиться у него за спиной.

Стук его сердца громко отзывался в его ушах, и он вспомнил слова Манфреда. Его воображение нарисовало костлявую руку, тянущуюся, чтобы схватить его и увлечь в глубокую темную могилу. Мышцы, казалось, заledenели и стали неподвижны, и ему пришлось побороть себя, чтобы заставить их двигаться и схватить рукоятку меча.

- Я собираюсь сходить на разведку, – прошептал Готрек. Прежде чем Феликс успел возразить или последовать за ним, гном бесшумно выбрался из повозки и исчез в тумане.

Теперь Ягер чувствовал себя совсем одиноко. Это походило на то, как если бы он очнулся от одного ночного кошмара, чтобы оказаться в другом, куда более страшном. Он был один в темноте и густом тумане. Он знал, что за гранью его воображения бродят голодные, неутомимые существа. Какое-то врожденное чутье подсказывало ему именно это. Он знал, что если покинет повозку, то умрет.

Однако там была Кирстен, она спала в повозке госпожи Винтер. Он представил себе, как она лежит в постели, а что-то ужасное наваливается на дверь, и балки медленно проваливаются внутрь, обнажая...

Выхватив меч, он выпрыгнул из повозки. Тихий стук собственных шагов гремел в сознании, как отзвук его объятых страхом чувств. Он остановился, чтобы рассмотреть очертания в тумане, пока пробирался к кругу повозок, в котором, как он знал, была Кирстен.

Каждый шаг казался ему вечностью. Он настороженно озирался, опасаясь, что что-то неслышно появится позади него. Феликс шел вдоль пятен глубокой тени. Ему хотелось громко крикнуть, чтобы поднять тревогу, но что-то инстинктивно останавливало его. Сделать это означало бы привлечь внимание ужасных наблюдателей – и обречь себя на неминуемую смерть.

Чья-то фигура проступила из теней, и Феликс поднял свой меч. Его сердце едва не выпрыгнуло, пока он не разглядел, что эта фигура была облачена в кожаные доспехи и металлический шлем. "Охранник, – подумал он с облегчением. – Благословен Сигмар!" Но когда фигура повернулась, Феликс едва не вскрикнул.

На ее лице не было плоти. Зеленоватый свет отражался в пустых глазницах. Разрушенные временем зубы торчали из голого, безгубого рта. Он увидел, что шлем, так похожий на шлемы охранников, был из позеленевшей бронзы и украшен рунами, блеск которых колот глаза. Запах разлагающейся гнилой кожи исходил от туники и разорванного плаща.

Тварь ринулась на него с ржавым мечом. Феликс замер на мгновение, но потом, почти бессознательно, поставил боковую защиту. Меч мертвеца скользнул по ребрам Феликса, и его пронзила резкая боль. Под тонкой, как бумага, кожей он заметил движение ветхого сухожилия на руке, державшей меч. Он ответил сильным ударом в шею – его тело сохранило все навыки, хотя мозг парализовал страх.

Клинок разрубил шею, сухо хрустнули ломающиеся позвонки. Возвратный удар скользнул по грудной клетке твари, как секач мясника по кости. Воин-скелет упал, как марионетка с перерезанными веревками.

Удар Феликса словно послужил знаком, и ночь внезапно ожила, зашевелившись тенями. Он услышал звук ломающегося дерева и рев перепуганных животных, словно какое-то заклинание избавило ночь от немоты. Где-то вдали Готрек Гурнисон затянул свою боевую песнь.

Феликс бросился в туман и чуть не налетел на Дитера, выскочившего из своей повозки. Командир был полностью одет и размахивал булавой.

– Что происходит? – выкрикнул он, перекрывая нестройный шум.

– Нас атаквали... это мертвяки из недр холмов, – сказал Феликс. Его слова прорывались сквозь прерывистое дыхание.

– Враги!!! – закричал Дитер. – Все ко мне! Бегом! – он издал боевой клич, похожий на волчий рев. В ответ кое-где раздался тихий вой. Феликс рванул вперед, ища жилище Кирстен. Из тени между двумя фургонами на него бросились фигуры, размахивавшие длинными грязными мечами с кривым лезвием. Он уклонился от одного и отбил удар другого. Еще два скелета возникли перед ним. Он ударил по ноге одного из них. Тот упал с разрубленным коленом. Преисполненный страха, Феликс сражался почти механически, отбивая удары противника, свалив его на землю, а затем ударом каблука перебив ему хребет. С другим они обменивались

ударами, пока и тот не был разрублен на куски.

<http://tl.rulate.ru/book/2486/46918>